

Издается впервые

Юлия Вознесенская

Записка Господу Богу

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ
РУССКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

Юлия Вознесенская
Записка Господу Богу

«Лепта Книга»

2017

УДК 271.2-29
ББК 86.372+84(2Рос=Рус)6-64

Вознесенская Ю. Н.

Записка Господу Богу / Ю. Н. Вознесенская — «Лепта Книга»,
2017

ISBN 978-5-4444-6262-1

Читатели знают Юлию Вознесенскую как удивительную православную писательницу-прозаика, автора многих романов и повестей. Но мало кому известно, что Юлия Николаевна была еще и талантливым поэтом – тонким, лиричным, глубоко чувствующим окружающий мир, ищущим и находящим в нем его Создателя. Перед вами уникальная книга – сборник поэтических произведений Юлии Вознесенской. В него вошли как небольшие стихотворения, поражающие многообразием форм, стилей написания и содержания, так и поэмы, ранее не знакомые читателям.

УДК 271.2-29

ББК 86.372+84(2Рос=Рус)6-64

ISBN 978-5-4444-6262-1

© Вознесенская Ю. Н., 2017

© Лепта Книга, 2017

Содержание

«Мне разбирать твои черновики – безумная и горькая морока...»	7
В пятнашки с бурями играю	7
Почти шутка	8
Варенье	9
Стихи о собаке по имени Енька	10
Перемена	11
Крой сонет	12
Рассыпанные бусы	13
Голубиная работа	17
Прерванный сонет	18
Баллада о телеграмме	19
Месяц ревность	21
Осенью	22
Ночь	23
Я не считаю секунд	24
И солнце взошло	25
Черновики	26
В. Ш.	27
На горе теней	28
На проруби	29
Лапландия	30
Положение	31
Гроза	32
На даче	33
Хватит уже о любви	35
Ночной полет	36
Борщ	37
На потолке	38
Из написанного в эмиграции	39
Перекресток дорог	42
«Был в самом центре Ленинграда мой петербургский уголок...»	43
Три музы	43
Часовенка	44
Мостик с грифонами	45
Океан первоначальный	46
В обугленный неба пролом	47
На пушкинских дорогах	48
Гелионы	49
Небесные дороги	50
После Цветаевой	51
Я все предугадала наперед	52
Ленинградский прайд	53
В лесу Казанского собора	54
Грохочущий ветер	55
Письмо в Париж	56
Августейшая пора	57

Деревья строятся в каре	58
Сонет Александру	59
Юбилейное петербургское	60
Поездка в Царское Село	61
Ленинградское	62
На юбилей Н. Гумилева	63
Дождь в Петербурге	64
День Благодаренья	65
День Благодаренья	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Юлия Вознесенская

Записка Господу Богу

Допущено к распространению Издательским Советом Русской Православной Церкви
(ИС Р17-703-0089)

© ООО «ГрифЪ», оформление, 2017.

© ООО «Издательство «Лепта Книга», текст, 2017.

© Вознесенская Ю. Н., 2017 (наследники).

**«Мне разбирать твои черновики
– безумная и горькая морока...»**

Лирика

В пятнашки с бурями играю

Тропинки я не выбираю —
Люблю протаптывать сама.
В пятнашки с бурями играю,
А в тишине схожу с ума.

Ищу я нового звучанья
Старинных и галантных слов
И потрясаю основанья
Извне навязанных основ.

Живу, смеясь, не зная страха,
Целую солнце поутру
И на воззвания Госстраха
С высот бессмертия смотрю.

1965

Почти шутка

То вверх, то вниз, то снова вверх и вниз,
То раненый полет, то виражи —
Выравниваю, направляю жизнь,
А небо мне иное ворожит:

На пять приборов – сто магнитных бурь,
Зенитки бьют в зенит, стучит в виске,
И угрожает грозовая хмурь
Меня сорвать в последнее пике.

А, в общем, это все и блажь, и ложь —
Лишь оттого и задрожал штурвал,
Что старший вышел в дождик без калош,
А младший у колодца поиграл.

Ты дома, дома, дома – вот твой дом!
И не валяй, подружка, дурака,
Иначе до чего же мы дойдем,
Коль женщины полезут в облака?

1966

Варенье

Раскраснелась малина-ягода,
Волокут ее бабы корзинами:
Не наваришь сама загодя —
Будешь есть потом магазинное!

А у нас есть место заветное:
На Свири островок качается —
Там почти что все время летнее
Эта ягода не кончается.

Прокатились с волнами вольными,
Завалились в малинник медведями
И набрали корзины полные,
Не считая того, что съедено.

Ух, как пахнет варенье свежее,
Хоть варю без рецепта особого!
Даже кошка глазами нежными
На меня глядит: «Дай попробовать»!...

Ребятня, как семья опяточек,
Окружила меня, ждет пеночек.
А в малине – до самых пяточек,
Слиплись даже косы у девочек!

А у младшенького, у Васеньки,
Даже пузо уже липкое.
Прилетела пчела с пасеки
И гудит над ним, как над липкою.

Стихи о собаке по имени Енька

I

А чтоб тебя, собака Енька!
Ты невоспитанный щенок,
Ты просто с хвостиком сарделька
Меж четырех собачьих ног.
Верх озорства и пропасть лени,
А уж породой как-никак
Ты вызываешь изумленье
У всех порядочных собак.
Ты, неизвестно чье творенье,
И ты осмелилась молчком
Сожрать мое стихотворенье
И закусить моим чулком!
Теперь сироткой из Казани
Ты не скули. Ни гав, ни ах,
А будет строгим наказанье —
Сидеть тебе в моих стихах.

II

Лежит законным стражем на ступеньках
И лает на гостей, что поновей,
Наш младший член семьи, собака Енька,
Любимая подруга сыновей.
И не умно и, Боже, как не ново
Своих собак в стихотворенье вплесть,
Но пишут, пишут о собаках снова,
И, видно, что-то в них, в собаках, есть.
И обвиненья в плагиате – враки,
И, в общем, верно, здесь секрет таков:
От бунинской некупленной собаки
По свету много разбрелось щенков.

1966

Перемена

Нам не грозит предательство измен
И прочих нехороших перемен.

Мы стали мудрыми в тревожный миг,
Когда предчувствия так были злы,
Собрали сотни две любимых книг,
Собрали чемоданы и узлы.

И, доброхотов оборвав нитье,
Отправились на новое житье.

Лесная жизнь, лесная быль и глушь,
И списанный домишко у Шексны,
И самый добрый, самый славный муж
У самой замечательной жены.

Для женихов совет мой и невест:
Любви спасенье в перемене мест.

1968

Крой сонет

Поэзия – не ремесло, а дар,
Нельзя дарить самим себе подарки,
А что для нас наколдовали Парки,
Нам скажет лишь последний их удар.

Учись верлибру и крой сюжет,
Но помни – лишь в последнее мгновенье
Тебе откроет смерти дуновенье
Ту тайну тайн – поэт ты или нет.
Ну, а пока сиди, крой сонет.

1968

Рассыпанные бусы

Ежата звездные просили молока,
Выклянчивали, тычась в бок вселенной.
А Млечный путь был рядом, в двух шагах,
Не догадались,
С голоду растаяли под утро.

* * *

Осенние листья падали
И плыли по воздуху чистому,
И пахли осенним ладаном,
Который так страшно вдыхать.
А маленький мальчик с бабушкой
В окошко смотрел на листья
И тихо сказал ей: «Бабочки
Садятся в траву отдыхать»...

* * *

Вот август подошел, а следом – звездопад.
И с неба звезды стайками слетают,
Трепещут крылышками, мельтешат, толкутся...
Наверно, где-то на земле их гнезда.

* * *

А было что?
Была зима,
Зима и белая тропинка
От дачи к дому моему,
В апреле снег сошел, и мы узнали,
Что вытоптали грядку земляники.

* * *

Сентябрь до одуренья пахнет яблоком,
И дерево взлетает желтым облаком,
Но пролетит немного – и уляжется
Простым лоскутным ковриком у лужицы.

* * *

Как быстро ласточки снуют —
Чаинки в золоте заката...
А завтра будет дождь.

* * *

Там, где сходились четыре дороги,
Жили семьей деревянные боги —
Папа, мама и маленький сын.
Не уцелел из них ни один.

* * *

Я вижу по утрам цветы в слезах —
Жалею их, как маленьких детей,
Что плачут просто так спросонок.

* * *

Зевесов дождь шумит в завесах роц —
Данае золотое подаянье...
И да воздастся небу по деяньям
За этот дождь, за каждый летний дождь!

* * *

– А где собираются птицы,
Когда улетают на юг?

– Под кленами, только под кленами.
Видишь на мокрой земле
оранжевых лапок следы?

* * *

В тот город поезда приходят на рассвете.
Пробежками, под градом дождевой картечи,
Бегу к гостинице, чтобы себя не встретить,
Оставшуюся здесь когда-то навсегда.

* * *

Высотный дом выплескивался рыбой
В серебряной оконной чешуе.
А старый флигель рядом ползал крабом,
На солнце выставляя лишай.
В нем жил художник, светлый и высокий.

* * *

У обедневшей осени ни листьев,
ни снега не занять.
Пустое время будильником стрекочет у виска.
Но не торопит, не зовет. Не обещает.

* * *

Вспыхнул свет, погасли наши лица,
Мотылек уснул на потолке.
Сон прошел, но лень пошевелиться,
И будильник чей-то вдалеке.

* * *

На клумбе каменной у станции метро
Бегонии уже сложили крылья,
И транспорт городской грибами пахнет.

* * *

Не шьется платье белое,
Ломается игла.
Ах, что же я наделала —
Тебя не сберегла.

* * *

Не жаль нам деревьев, идущих на спички,
На шелк, на бумагу,
И тех, что сжигаем в печах.
Одна новогодняя елочка —
Чистая радость —

На совести нашей.
Как глупо, не правда ли?

* * *

Вот еще один вечер прошел без тебя,
Безмянный, как постовой,
Мимо которого я прохожу
Вот уже месяц одна.

* * *

Солнце босыми ногами прошлось
По новому полу веранды.
Неужели и эти следы
Память закрасит коричневой краской?

* * *

Из солнечной пыли полдня
Соткано тело подруги.
Осторожно!
В пасмурный день
Станет она невидимкой
И может в толпе потеряться.

* * *

Брожу я ночью по дорогам сна,
Открытая и ясная до дна,
Кого и где я только не встречаю!
Но возвращаюсь я всегда одна.

* * *

Кругом дуэли диалогов,
Все – Диогены: каждый выпьет бочку —
Пятнадцать бочек нам наговорят,
И не с кем побеседовать за чаем.

* * *

О, как стыжусь я солнца в дни болезни!
Оно сжигает хилые ростки,
И поделом.
Но как оно прекрасно
За холодом больничного окна.

* * *

У ежика бархатный девичий животик
И доброе сердце, полное ласки,
И любознательные глазки —
Ну, как вы с таким даром проживете,
Если колючек не заведете?

* * *

Ну, вот и ты узнал, что миру
Необходима доброта.
Жестоко проношу я мимо
Улыбку сомкнутого рта.

* * *

На меня, тоска,

Бери и властвуй.
Завтра вырвусь,
А сегодня – здравствуй!
Ты ведь тоже жизнь моя, тоска!

* * *

Стоят фонарей распятъя
Вдоль прямолинейных кварталов новостроек.
Какие иконы будут висеть в этих домах?
Через 100 лет, через полвека, завтра?

* * *

Февраль, февраль... Усталая зима,
Библиотечный авитаминоз,
Не пишется, не любится, не спится
И старый год давно похоронен,
Февраль, февраль...
А где-то ждет Верлен.

* * *

Ты долго стоял под окном.
Тени моих деревьев проросли твою тень,
Последний луч солнца пригвоздил ее к земле,
Свет моего окна посадил ее за решетку —
И все-таки ты ушел.
Куда ты ушел? От меня?

* * *

Луна заплакала
И спрятала лицо в траву.
Сентябрь. Мой день рожденья.

* * *

Ночью одиночество не так опасно:
Ночью
Мои спящие глаза встречают твой взгляд,
Ночью
Мои руки тебя находят.

* * *

В года грядущего одиночества
Мне станут горше всех утрат
Не наши дни, не наши ночи,
А наши добрые утра.

* * *

Я плачу по тебе. Ты мне не нужен,
А я ночами плачу по тебе.
Во сне – так горько, горько...

Голубиная работа

1

Я летаю на спине
В голубом небесном небе,
В клюве вишенку держу.

Самолетик молодой
Пробежал неподалеку
И за облако нырнул.

Он торопится домой,
Он везет для нас приветы
Из далеких дальних стран.

Я домой не тороплюсь
У меня работы много:
Голубая-голубая
Голубиная работа —
В небе вишенку держать.

---

¹ Из цикла «Книга разлук».

Прерванный сонет

В мгновенье вечера что вечности ничтожней,
Когда зеленая звезда обронит свет,
И щиколотку тронет подорожник,
Росой отметив босоногий след?

И вся тщета людей и суета планет —
Всего лишь пыль на крылышке тревожном
У мотылька: коснись неосторожно —
И цвета нет, да и рисунка нет,
И вся-то жизнь – как прерванный сонет.

Баллада о телеграмме

В ночь телеграмму принес почтальон —
Три слова: «Ваш друг в беде».
И в ту же минуту отброшен сон,
И страхов накинута целый мильон:
Что, как, почему и где?

А младший мой сын, как назло, заболел
В эту осеннюю стынь,
То жаром он пышет, то бледен, как мел,
И врач от него отходить не велел,
Но остался с соседкою сын.

А поздней ночью автобусов нет,
А надо весь город пройти.
От самого дома за мною вослед
Гнусавет сопля восемнадцати лет:
«Нам, крошка, не по пути»?

И я выхожу поскорей на Неву —
Там ветреней, но светлей.
Иду, замерзая, от злости реву.
И пуговицы в волнении рву.
Ох, дождик! Хоть ты не лей...

Но вот позади новостроек район,
Гранитным стал берег Невы.
Стоит постовой. Подозрительно он
На мой перепачканный смотрит капрон:
«Гражданка! Куда это вы»?

Плюю на блюстителя и бегу.
А он, встрепенувшись, за мной,
Свистит, ругается на бегу,
А я объяснить ничего не могу,
И вдруг – такси под стеной!

Был с юмором, видимо, парень-таксист —
Навстречу мне дверцу открыл.
Рванул он – и сзади растаял свист,
Как будто на паре крыл.

Я шарю в карманах – одна вода,
А счетчик мелькает рублем...
Тот парень простит меня, верно, когда
Стихи эти встретит мои, но тогда

Я ушла проходным двором.

Прошла метеором все три этажа,
В жизни так не неслась!
В квартиру врываюсь уже не дыша.
Друзья за бутылкой: «Что, хороша
Хохмочка удалась?»

Ну, что ты уставилась, как истукан?
Твою верность мы знаем сейчас»!

Ну, что ж, друзья, наливайте стакан,
Выпьем за дружеский этот обман
И за то, что я вижу вас.

1968

Месяц ревность

С чего ты взял, что листья с яблонь опадали?
Они с тоской зеленой отпадали
От яблочных незреющих боков.
Опаловая падаль облаков
Под яблонями в лужах допревала.
Дойдя до середины, до привала,
Сентябрь на опустевшей грядке спал —
Он опустился, спился и устал,
Утратил краски и забросил кисти.
В кадучке дождевой уныло кисли
Кленовых листьев плоские мазки.
Цветной капусты жирные мозги
Флюиды диабета излучали,
И паутины липкими лучами
Куски пейзажа были скреплены,
Но по краям убогой пелены
Все пятна неопратно расплзались.
А в центре гуттаперчевый физалис
Жеманничал, румянился и лгал,
Качался и голодных птиц пугал.

Пройдусь по саду. Горькая отрада! —
Цикуты благородная отравка
Уже созрела. Я тебя сожну,
Костлявый зонтик твой в руке сожму.

Осенью

Когда упали яблоки в саду,
Отрада лета перешла в отраву
Вина домашнего, бродившего во рву
И отравлявшего мне жизнь мою по праву.

По праву ленному владелицы судьбы
Или души своей – они, как будто, сестры —
Вступила я на этот коврик пестрый
Бездумной лесопарковой ходьбы.

Там я читала осень по слогам,
А ветры тоньше птиц апрельских пели,
А дождик был пленительней капли,
И опадала рощица к ногам.

Не весела была я, но чиста.
И не одна я – все мы в эту осень
У красных кленов милостыни просим
И музыки с осеннего листа.

Ночь

Тихо. И листья не падают с кленов.
Ветер, ты их до утра не морочь!
Тихо проходит по улицам сонным
Черная кошка по имени Ночь.

Рядом иду я. Касаясь рукою
Гладкой и теплой кошачьей спины,
Все позабытые двери прикрою,
Всем наколдую хорошие сны.

Ковшик Медведицы зорькой пролился...
Злее бессонниц не знаю врагов.
Видно, никто за меня не томился,
Присно и днесь и во веки веков.

Господи, Боже ты мой, да за что мне
Эта бессонница, эта напасть?
Разве владею я совестью темной,
Разве сожгла меня черная страсть?

Я не считаю секунд

Я не считаю секунд скрупулезно —
Каждая смерти длиннее.
Я и не плачу – какие там слезы,
Если душа соленеет!
Здесь я стою. Немота солевая
Не спорит с библейской судьбою.
Вслед тебе руки свои посылаю,
Руки летят за тобою.

Рациональны все линии лестниц,
Баров и залов таможенных.
Здесь еще много разлуки разместится —
Господи, кто нам поможет?

Вот, не спеша, глубину набирает
Неземная крылатая рыба.
А перед ней, как ворота от рая —
Облака белая глыба.

Июнь 1975

И солнце взошло

Мучительно проступают облака,
А звезды тают по одной
С медлительностью невыносимой.
Необъяснимо высока печаль прозрачной луны.
Ночь была глухой и долгой,
И трава поседела за ночь.
Но дышит кто-то глубоко и нежно —
И бледный иней превратился в росу
Сверкающую.
Оттаяв, побежали облака:
Сначала медленно,
Потом все скорей и скорей —
На запад, на запад, на запад, —
Все небо очистив для солнца.
И солнце взошло.

Май 1973

Черновики

Мне разбирать твои черновики,
Срывать чернику почерка до срока —
Безумная и горькая морока —
Так эти строчки на губах горьки!

Беру горстями горестный урок,
А в нем ростки забвенья прорастают.
Еще немного – и стихи растают,
Еще немного – и наступит срок.

Заплачу я. Ты скажешь «Пустяки»!
Умрешь. Побудешь там. И вновь родишься.
И снова в люди, снова по стихи,
Минуя собственное пепелище.

Твою красотку Музу бы сюда!
Пускай со мной читает их и плачет,
Что жить тебе вот так, а не иначе, —
И до конца, до Страшного суда.

1975

В. Ш.

Цветок завял на полпути к зиме.
Гадаю по Верлену в феврале.
Мой добрый шулер! Как бы исхитриться
Краплеными стихами отыграть
Кусочек лета – дней хотя бы тридцать.
Тебе легко, игрок: ты засушил
Июль в ресницах женщины случайной.
Зимуй же с ним,
Его ты заслужил.
Мне выпадет февраль в беседах чайных.

На горе теней

Там, позади, на Туманной Горе теней,
Где наши руки и наши глаза остались,
Мертвое солнце, как рыба среди ветвей,
Плавает сонно, ромашки стоят оскалась.
Бесчеловечно отсчитаны ночи и дни.
Канули трижды листвы золотые скрижали.
Там наши тени остались без нас, одни.
Как беззащитно друг к другу они прижались!
Тихо, как тихо, о Боже, над этой горой!
Только в траве прошуршит иногда
Осторожность.
Изредка иволга вскрикнет, да слышно порой
Дальнее эхо мучительных песен острожных.

На проруби

Пушинки растеряли голуби —
Река от них белым-бела.
Под вечер я шагаю к проруби
С корзиной, полною белья,

К окну с испуганными рыбами,
Оправленному в синий лед.
Белье на снег ложится глыбами
И пар последний отдает.

Его негнущимися пальцами
Я в прорубь бухаю, и в ней
Шурую сына одеяльцами
И белой пеной простыней.

Трудней не выдумать занятия,
И среди этой кутерьмы
От всей души я шлю проклятия
Красотам матушки-зимы.

А вечером, как неизбежное,
Вдруг тихо в комнату войдет
Белья морозный запах свежего
И вкус январских чистых вод.

Ленинград, 1975

Лапландия

Висит деревня на холме,
Как тонкая гравюра,
И кисть напоминает мне
Упрямый жезл каюра.

Лапландия, Лапландия!
Лишь небеса одни
Да редкими лампадами
Далекие огни.

Скользя на тоненьких ногах
По ягельному склону,
Олень несет свои рога,
Мохнатую корону.

Лечу я по Лапландии,
Меня качают сани,
И горд упряжкой ладною
Оленевод-саами.

Сказал редактор: «Дай статью
О пуске шкур налево»...
Не взять ли лучше интервью
У Снежной королевы?

Олени по Лапландии
Скользят неслышной тенью.
Лапландия, Лапландия,
Республика оленья!

Ленинград, 1975

Положение

Вижу, вижу напротив заката
Выплывают две лодочки утлых,
Проплывают мимо, как будто
За собою зовут куда-то.

Изукрашены обе богато,
До кормы цветами обвиты,
И золоченым багетом
Лодок борта обиты.
В одной увидала брата,
В другой угадала брата —
Братьев моих убитых.

Друг за другом плывут на запад;
Видно, брат догоняет брата.
А река черна и поката,
А над ней сладковатый запах.

А над ними поют гитары.
Боже мой! Как поют гитары!
Все о счастье поют и стонут,
И плывут лепестки, не тонут.

Сентябрь 1975

Гроза

В глухой сосредоточенности ночи
Грозы угроза, ожиданье взрыва.
Гроза все ближе, тишина короче,
И замер сад в предчувствии порыва.

Но от вершины яблони высокой
И до корней приземистых смородин
Он собирает силы тайных соков,
Уже отпор готовя непогоде.

И вдруг, еще до грома и до ветра,
Прекрасная, как драгоценный камень,
В саду упала маленькая ветка
С двумя молочно-белыми цветами.

И сад взревел. Косматый, иступленный,
Качнулся сотрясением могучим
И выпрямился пламенем зеленым,
Вершиной перечеркивая тучи.

Он рвал о сучья дождевую сетку,
Он бурю по лицу хлестал ветвями —
За хрупкую сломившуюся ветку
С двумя молочно-белыми цветами.

На даче

На даче с голубой уборной
С рассвета голос топора
Твердит нахально и упорно,
Что лето кончилось. Пора.

Пора и в город. Знаю, милый,
Что нас сегодня разлучат.
И этот стук... Так над могилой
Стучат, в последний раз стучат.

Какое злое воскресенье!
Под этот постук гробовой
Под дождиком, уже осенним,
Мы распрощаемся с тобой.

Среди деревьев и построек,
Где листья в воздухе висят,
Стоишь ты, одноног и стоек,
И одинок на целый сад.

По запрокинутому лику
Вода стекает между глаз:
Они уже разновелики,
Один уже почти погас.

И плащик мой, когда-то модный,
И пестрый шарф, давно ничей,
Свисают чересчур свободно
С твоих заломленных плечей.

Прощай, мой друг, набитый сеном,
Прими прощальные слова:
Да будет вечно вознесена
Твоя сенная голова!

Ты слышишь, милый, стук топорный
Напоминает вновь и вновь:
На даче с голубой уборной
Хороним летнюю любовь!

1975

Не по плечу крыло

Не по плечу крыло,
Разлуки не стерплю.

Полет невнятен и косноязычен,
И если на конвертах обозначен,
То потому лишь, что тебя люблю.

Кромешно лето пылью без прикрас,
Но в августе пытаюсь – наудачу.
Авось, и вправду осенью отплачу
И от тебя уйду – в который раз!

В который раз тебя переживу,
Еще взлечу, еще достанет силы.
Припомнила – и снова подкосило:
Не по плечу крыло —
и падаю в траву.

Хватит уже о любви

Хватит писать о любви! Прихватило безлюбье,
На безрыбье живу, на безлюдье пасу голоса.
Ненавистного столько песку на ладонях налипло,
Столько желтых полипов-цветовросло в волосах,
В этих прядях, пожухлых от желчи
завистливых женщин,
Что и нос пожелтел, и глаза как двойная глазунья —
Все шипят и шипят, пережарясь на желтом мозгу...
Там, далеко, в глубине или в желтых пещерах,
Капали капли о камень и каплют досель.
Но ничего не прочесть на песке – разъедает железо,
И сера, и человеческий помет, и весной уродует сель...

Хватит уже о любви!
Отжелтев, отжелав, отжелтаю —
И ожиданья, как желуди, каплют в траву.

Апрель 1975

Ночной полет

Ночь. Качает ветер звезды
На стекле оконной рамы,
А еще – мой лик серьезный,
Отрешенный и упрямый.

Я в ночной рубашке длинной
С прапрабабушкой схожа,
Занимавшей половину
Прапрадедушкина ложа,

С той, ночами убегавшей
Тосковать о воле бывшей,
С той, единожды солгавшей,
И кого-нибудь любившей.

Больше грешницы покойной
Я ценю свою свободу.
Села я на подоконник,
Поглядела ликом в воду,

И, как утренняя кошка,
Потянувшись своим телом,
Оттолкнув ногой окошко,
Сорвалась. И полетела.

По святой реке небесной
Я плыву дорогой тайной,
Как плывут в реке невесты,
Утонув перед венчаньем.

Борщ

На днях я как-то колдовала борщ,
Морковь катилась из-под рук кружками,
И под ножом кочна тугая мощь
Скрипела, как пороша под ногами.

Вот овощи порезаны. И тут
Воочию увидела я чудо:
На кухонном столе моем цветут
Агаты, бирюза и изумруды:

Жемчужинки капустного листа,
Опаловые луковые стружки,
И рядом лег, как видно, неспроста
С рубином свеклы изумруд петрушки.

Смешенье красок, бликов над столом,
И цвет так по-бунтарски был неистов,
Что стал мне стол казаться полотном
Подвыпившего импрессиониста.

На потолке

Этакая ночь – все танцует дерево.
Этакая дичь – все гляжу и гляжу.
Я ни тебе, ни себе не поверила —
Я как в гробу без тебя лежу.

Этакая жаль – ни коней, ни сосен,
Этакая жизнь – железный чертог.
Надобно жить – а вокруг сплошная осень,
Надобно жить – а вокруг сплошной четверг.

А на потолке – заревое зарево,
А на потолке все танцует дерево,
А я потому и лежу, заревана —
«Я без тебя, ты без меня», —
На потолке листья звенят.

Октябрь 1975

Из написанного в эмиграции

Надо было расстаться, уехать,
А я не умела
Возвращалась в уже
Покидаемый дом
Расставляла их на подоконниках,
В окна глядела и пела
И опять уходила, и вновь возвращалась потом.
За бездумность безумную бабью
Прости меня, Боже,
За любовника юного и за подарки
Прости.
Что-то было такое и прежде, но прежде
Была я моложе,
И тогда мне самой на прощанье
Носили цветы.

* * *

Не радуйся! Еще ты не молилась.
И нет прощенья еще, но Божья милость,
И не весна еще, и не тепло – а так...
На изголовье – солнечный пятак,
Да на оконце – тающий ледок,
Да материнский вязаный платок
И в поле поезд, в коем ты укрылась.

*Поезд Франкфурт – Мюнхен
24 января 1985*

* * *

Метель заблудилась в лесу,
Как вдова в трех соснах:
В потерянном счастье,
В напрасных надеждах,
И в блюде яремном.

Где видишь ты лес?
Это парк. Это плющ навесу.
И льдинка в ладони —
Осколочек жизни огромной.

Утраченной напрочь.
Кому я ее отнесу?
Кого обольстит эта малость?

Ладонь горяча
От горечи слез непролитых,

Которым и негде пролиться,
Ведь нету для них ни руки, ни груди, ни плеча.
И у деревьев чужие, холодные лица.

Поезд Франкфурт – Мюнхен
24 января 1985

* * *

А смысл придет потом.
И смысл, и цель,
С которой совершилось отрицанье
Привычно близкого: отринут дом,
Любовь, постель и громких слов бряцанье,
И винограда хрупкий завиток,
И нежный мандарин,
И злая ночка.

В Исландии бродяжит Кивиток,
Прадиссидент и вечный одиночка.
Вот он сегодня мне и шлет привет,
И льдинками хрустит,
И что-то лепит.
Сегодня – лед и темь,
А завтра – свет,
И в тишине родится первый лепет
Моих стихов.
И новая волна
Омоет и оплатит все сполна.

Поезд Франкфурт – Мюнхен
24 января 1985

* * *

Метелица в полях немецких
Живой метели только признак.
Мелькает, как балетный призрак
Чего-то бывшего в той жизни —
В Сибири? Во поле? В отчизне?
Мы все тоскуем по-простецки...

Поезд Франкфурт – Мюнхен
24 января 1984

* * *

Так долго, так бесплодно – ну и пусть! —
Пришлось играть зачем-то Пенелопу.
Спектакль окончен и театр пуст.
Разорвала ковер, ногою топнуть —
Как будто бы нарыв под сердцем лопнул.

Вся кровь еще отравлена, но взгляд
Уже заметил снег и зимний сад,
И в том саду калины красный куст.

Мюнхен
25 января 1985

* * *

Сегодня оттепель. Деревья
Болят и маются. Наш парк похож
На те невольные воспоминанья,
Что пробуждает старая любовь,
Что в муках кончилась, скончалась.
А все же нужен глаз да глаз!
Как оттепель – болит, болит...
Гляжу в окно на белые деревья
И зябко плечи кутаю в платок.

Мюнхен
25 января 1985

Перекресток дорог

Ах, флейтисточка-дурочка, что ж теперь делать, играй!
Видишь, пальцы застыли – сама ничего не сыграю.
За какие грехи нас с тобою отправили в рай?

Перекресток дорог, у подножья чужого креста
И вокруг тишина, да такая, что некуда деться.
А прислушаться – слышится тихое «Ради Христа»! —
Чей-то тоненький голос из самого дальнего детства.

Ах, играй что-нибудь! Ради бога, скорей заглуши
Этот жалобный голос, иначе невысказано будет
Переждать непогоду. Одни мы. Вокруг ни души.
Души здесь только мы – остальные не души, а люди.

Люди мимо идут по земле, по любви, по делам
И проходят сквозь нас, будто мы только тени живые,
Будто все не для нас – звезды в небе и свет по домам,
Не для нас вдоль дорог и распятия сторожевые.

1990

**«Был в самом центре Ленинграда
мой петербургский уголок...»
Городская лирика**

Три музы

Голубушки! Елены! Самарянки!
Пробежками от Мойки до Фонтанки,
От Крюкова канала до Невы
Кого спасете вы?
Мне чудится – вы в городе одни.
Текут по лицам желтые огни,
Жилые подворотни дышат смрадом —
Туман над Ленинградом.
Три девочки, три музы, три жены,
Всегда толпой калек окружены.

Часовенка

Памяти Валентина Трунова

Когда хожу, обижена,
Непонята хожу,
Одно виденье вижу я,
Одну я быль твержу.

Она не очень грустная,
Но в ней слезинки соль.
Она простая, русская,
И русская в ней боль.

Стоит, стоит часовенка
В лесу, где бурелом.
Со снятыми засовами,
Со скошенным углом,

С бурьяном необузданным,
Со сбитыми дверьми —
Она еще не узнана,
Не найдена людьми.

Стоит, стоит часовенка,
С годами все темней...
И людям будет совестно
Явиться перед ней.

1966

Мостик с грифонами

Был в самом центре Ленинграда
Мой петербургский уголок,
Канала четкая ограда
Была каймой моих дорог.

Туда орган людского хора
От Невского не долетал,
Там у Казанского собора
Был узкий мост через канал.

Тугие крылья двух грифонов
Его держали над водой —
Он в памяти остался фоном
Моих хождений за бедой.

Кому-то вовсе не приметен
В обличье сказочно-простом,
Он был единственным на свете —
Он между нами был мостом...

Давно в том месте не была я
И не сорвусь, не полечу.
Ты спи, печаль моя былая,
Тебя будить я не хочу.

Развеял номер телефона
И адрес времени норд-ост...
А златокрылые грифоны
Все также охраняют мост.

Ленинград 1975

Океан первоначальный

В зелено-солнечной воде
Ныряю золотою рыбкой
И выгибаюсь грудью гибкой,
Подобно сказочной ладье.

И вот зеленый Петергоф
С волной сливается причальной,
И нет на свете берегов —
Есть океан первоначальный.

Еще не выросла трава
На бледных отложениях мела,
И ящеры об островах
Задумываются несмело.

Потом возникнут города,
Законы, войны и искусство —
Ну, а пока что в мире пусто,
А я печальна и горда:

Так постигаю я с азов
И жизнь дарующие воды,
И одиночество природы,
И человека дальний зов.

1967

В обугленный неба пролом

Чтоб не знать, что ты любишь меня,
Не удерживать и не томиться,
Я рванула из летнего дня,
Как из леса горящего птица.

И в обугленный неба пролом,
Позади остывающий быстро,
Я пошла по спирали, крылом
Рассыпая горящие искры.

Задохнувшись в пустой синеве,
Я к Неве наклонилась напиться.
Но огонь отразился в Неве —
Вот какая я, стало быть, птица?

Не зови! Не откликнуться мне,
С каждым днем забираю все выше,
Только спелые искры, как вишни,
У небес остаются на дне.

На пушкинских дорогах

Красавица моя, экскурсовод!
Вели водителю помедленнее ехать.
Буря в пути. А главная помеха —
На пушкинских дорогах гололед.

На пушкинских дорогах гололед.
Друзья мои, теперь остерегайтесь.
Веселый черт и златокудрый витязь,
Что вас за новым поворотом ждет?
На пушкинских дорогах гололед.

Гелионы

Гелионы плывут на солнце.
Слышу палубу под ногами.
Озираюсь вокруг сонно:
Это мы с тобой? Это с нами?
У кормы, похожей на замок,
Спит невольник, как ворон черен.
А из трюма доходит запах
Ароматных кофейных зерен.
На штурвале – твои руки,
А глаза уже сбились с курса
И вот-вот с моими столкнутся.
И тогда не станет разлуки.
Только с курса тебе не сбиться —
И мы так приникнем друг к другу,
Как зарей подоженные птицы
Приникают к воде с перепугу.
Для тебя – это только сказка,
Да и мне это только снится,
Но взгляни, – как меняют окраску,
Вдоль зари пролетая, птицы!

Гелионы плывут на запад,
Где меня тишина разбудит.
Это, может быть, будет завтра,
Может быть, никогда не будет.

Небесные дороги

Невидим глазу звезд неспешный ход:
Бредет над головой земных прохожих
Одна луна – небесный пешеход,
Да юркают проворно в подорожник,
Растущий возле Млечного пути,
Метеориты, ящерки небес.
Я выберу одну и рядом с ней
Замру и, спинку гладкую потрогав,
Подумаю: куда же мне идти?
Я в городских запуталась дорогах —
Небесные и проще, и ясней.

Сентябрь 1973

После Цветаевой

Полюбил ты разлуку
Горячее любви.
На дорожную муку
Благослови!

Как боишься нечаянно
Ты меня удержать.
Но качается маятник,
И пора уезжать.

Пожелай же пространства
Голубого очам²,
Одиссеевых странствий —
Моим хрупким плечам.

Мои предки – варяги³,
А не грек Менелай:
Пожелай же отваги,
А любви не желай.

Черных вишенек горстка,
Словно яд на устах.
Тяжелей перекрестка
Не бывает креста.

Поручи меня Богу —
Без Него не снести,
Ты меня на дорогу
Перекрести.

Какая глупая морока
Считать, кому и в чем беда.
Любовь и ненависть – до срока.
Одна разлука – навсегда.

---

² В опубликованном варианте (Грани № 108 1978 с. 35): «Моим синим очам». – *Примеч. ред.*

³ В опубликованном варианте (Грани № 108 1978 с. 35): «Наши предки – варяги». – *Примеч. ред.*

Я все предугадала наперед

Врастаю в вечность мерзлоты,
Оставив ветви над Невою,
Я позабыла ветку
С одним цветком и с бабочкой немою.

Прикручивая жизнь свою беспечно,
Я прорастаю в мерзлоту и вечность,
Одну лишь ветвь оставив над Невою
С одним цветком и бабочкой немою.

Цветок был странен, бабочка – пестра
И рисовала. И была еще сестра.
Сестрица! Заводной мой соловей,
Нацелившийся в нимб моих ветвей!

Остерегала я мою сестру:
«Не будет гнезд на этаким ветру,
Не обманись! Железный мой цветок, —
И тот весной умчится на восток
Вернется к дереву, а бабочка умрет». —
Я все предугадала наперед.

Ленинградский прайд

«Прайд» – львиная стая

Зверий рык, но запах – бронзы.
Не сафари, но – работа.
Не кругами, но – дозором.
Полночь. Град. Парад зверей.

Выход прайда.
Кто с крылами,
Кто с кольцом в ноздре гранитной,
Кто проносит в львиной гриве
Женский сумеречный лик.
...А российский император
Не волчицею был вскормлен —
Зубы пробовал цареныш
О крутую бабью грудь,
Но – любил зверье.
И город
Сторожа́м чугу́нногруппым
Смело царь-градостроитель
Доверяет по ночам.
Объезжает их дозором.
И встает над Ленинградом
Запах бронзового пота
Императорских коней!

В лесу Казанского собора

В лесу Казанского собора
Брожу среди стволов замшелых,
Наощупь замшевых. Шмели
Трамвайные гудят в сторонке,
Ползут по каменным дорожкам
Зеленоглазые такси.
Фонарных ландышей семья
Произрастает у фонтана,
И электрическим нектаром
Вечерний воздух напоен.
Лес полон жизни и движенья:
Исходят соком автоматы,
Щекочет ноздри аромат
Витрин больших и переспелых.
Горят рекламные цветы,
Посвистывают постовые,
Везде оград чугунных хворост
Похрустывает на ветру...

А во дворах, а во дворах,
В кустах кирпичных и бетонных
Живут коричневые крысы
И камень гложут по ночам.

Сентябрь 1973

Грохочущий ветер

Он на полночном randevу
Срывает с дерева листву
И над трамваем леноватым
Вдруг провода закоротит,
И по глазам кариатид
Сверкнет огнем зеленоватым.

Он беспощадно материт
Весь ленинградский материк
За полумертвую истому
И воет, воет всем назло.
Ему пока не повезло
Поэта выкинуть из дому.

Закипает молнии аркан,
В соборный прогудит орган
И, изрыгнув победный зык,
С Исакия рванет на площадь
И там, над площадью, полощет
Багровый дьявола язык.

Октябрь 1974

Письмо в Париж

Выпить бы, что ли, с тобою вдвоем,
Поговорить обо всем?...
Видишь ли, время тоски – водоем,
И не сдастся внаем.

Не перемелешь разлучной реки,
Хоть Сену Невой нареки.
Я ли твоей не любила руки? —

Тут не заслужишь и не умолишь.
Письма останутся лишь...
Как поживаешь, бездомная мышь?
Как поживает Париж?

Август 1975

Августейшая пора

Кто-то гонится за мной —
Слышу шорох за спиной,
Оглянулась – листья,
Листья желтые летят.

Возвращаетесь-ка назад,
И откуда вы взялись?
Еще август у двора,
Августейшая пора.

Еще будет виноград,
День рожденья, гость из Минска,
И напишет в Ленинград
Из Парижа наш Кузьминский:
Все пойдет у нас на лад.

.....
Листья желтые летят.

Август 1975

Деревья строятся в каре

Экспромт, написанный 14 декабря 1975 года между двумя допросами

Декабрьский снег,
И белую страницей
История проходит отстраненно,
Как странница.
И надо сторониться,
Чтоб не задеть...
Давайте поглядим,
Куда плывет отечественный дым,
Куда уходят люди в декабре
И как деревья строятся в каре!

Сонет Александру

Уж третий год, как мы уже не мы,
А дни рожденья – траурные вехи.
Но до сих пор, чуть я смежаю веки —
И тень твоя кивает мне из тьмы.

Весло Харона плещет у кормы —
Да, третий год, как умерли навеки.
Вино прокисло. Беспольны греки,
И не разрушить собственной тюрьмы.

Я угадаю свой последний час,
Наворожу себе былые муки
И жадно стану их перебирать.

Какое злое ремесло у нас!
Быть вещими от счастья до разлуки
И много раз до смерти умирать.

СПб. февраль 1976

Юбилейное петербургское

К 50-летию переименования города

Петербурги мои, Петербурги!
Разлетелись по белу свету,
По белым страницам, как птицы,
Птицы-странницы перелетные.

Далеко улетели птицы —
Не аукнешься, не докличешься;
Не черпнуть им водицы невской,
Собирать им горькие зерна...

Но в апреле приходят поэты,
Молодые, голодные, нежные,
И приносит каждый по птице —
Возвращаются петербурги.

Поездка в Царское Село

Каких обид не занавесить лесом,
Каких очей оградой не обвесить,
Не занавесить парком, встречным блеском?
К сему добавим благостную весть,
Но весть – потом.
С утра еще не выходило солнце,
По куполам не заводило танца.
Едва-едва теплело в рукавичке.
Не согреваясь стихотворством речи,
Я стыла в царскосельской электричке.
Один был друг, и тот уж был далече,
А рядом было – так...
А после было так.
Лисичка – апельсиновая корка —
Глаза ведет на рыжем поводу
И тихо усмехается с пригорка,
Где ревность поскользнется, и на льду,
И где напротив солнца – я иду
Навстречу вести.

СПб. февраль 1976

Ленинградское

Приятно знать, что у тебя есть дом,
Когда идешь со всем рабочим людом
И видишь, что невесть за коим лядом
Идет прохожий за тобою следом,
И стелется отечественный дым.
А вот идет по улице соседка,
Из сумки у нее торчит селедка.
Я ей сейчас (соседке, не селедке)
Четыре двадцать пять за свет отдам.

На юбилей Н. Гумилева

Когда денек и солнечен, и весел,
То и сквозняк в метро, сей мертвый ветер,
Что каждому назойливо знаком,
Покажется апрельским сквозняком,
И более того – весенним ветром,
И с явственным березовым приветом.

При этом, если выйти на Обводный —
На миг покажешься себе свободной.
Там на откосах желтые цветы
Растут в дерьме. И им подобен ты
Судьбой дурацкой русского пиита,
Где мать и мачеха в одном объятьи слиты.

Поэт! Не отвергай своей страны,
Хотя ее достоинства страшны.
Ее даров тяжелых не принять —
И головы кудрявой не поднять.

Но впереди Никола и Коломна,
Где жизнь еще свободна и укромна,
Где детские свободны голоса,
И рвутся золотом тугие небеса!

Дождь в Петербурге

Печальна тень кариатиды,
Балкон несущей за плечами.
Державны липы, но плачевны
Вокруг дрожащие куртины.

Плывут дома различной масти.
Гиперборейская столица
Две и три четверти столетья
Плывет, плывет...
А все ни с места!

СПб. июль 1976

День Благодаренья Философская и духовная лирика

День Благодаренья *Поэма*

4

1. Утро

Еще спала. А дождь уже стучал
По всем листьям в саду и в изголовье,
По тем словам, что за ночь искололи,
И влажный воздух свежесть источал.

Еще спала. А дождь уже во сне
Напоминал велеречивой кодой,
Что нынче день, дарованный Природой
Одной лишь мне и только по весне.

Еще спала. А дождь уже просил:
«Проснись! Сегодня День Благодаренья!
Прислушайся: Господние творенья

---

⁴ Поэма «День Благодаренья» Юлии Вознесенской была включена в самиздатский альманах «Лепта» – первое крупное издание «второй культуры» в Ленинграде, в котором участвовало 32 неофициальных поэта. – *Примеч. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.